

Они сражались за Родину!

★ Владимир Першанин ★

Я ПРОШЕЛ ДВЕ ВОЙНЫ!

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Художник Игорь Варавин

Першанин, Владимир Николаевич.
П26 Я прошел две войны! / Владимир Першанин. —
Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 352 с. — (Война.
Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-04-182993-3

Новая книга от признанного мастера жанра!

Основанное на реальных событиях повествование о судьбе молодого командира Красной армии Василия Гладкова. Впервые попав на фронт в декабре 1939 года, Василий с небольшим перерывом продолжал сражаться с врагами нашей Родины до самой Победы.

Сначала кровавая Зимняя война, где Гладков со своим взводом, утопая в снегу, прорывал печально знаменитую линию Маннергейма. Затем страшная Великая Отечественная война: Смоленское сражение, Битва под Москвой, Сталинград.

Не ищите в книге громких подвигов — это лишь суровая окопная правда о Великой войне, в которой наши отцы победили фашизм.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182993-3

© Першанин В.Н., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

ЗИМНЯЯ ВОЙНА

Рота понесла первые потери и залегла. Я лежал за большим валуном, покрытым шапкой снега, и всматривался в нагромождение спиленных сосен и каменную гряду, откуда нас обстреляли. Вели огонь два станковых пулемета, которые за короткое время выбили не меньше полутора десятков бойцов и тяжело ранили командира роты.

Мимо меня полз раненный в ногу красноармеец из соседнего взвода, ему помогал санитар. Когда они выползли на открытое место, снова заработал финский пулемет. Вернее, пулемет был немецкий, МГ-08 старого кайзеровского образца, похожий на наш «максим», только без щитка.

Расстояние составляло метров триста. Финский пулеметчик вложил одну и другую очередь довольно точно. Пули выбили крошево мерзлой земли и снега в метре от санитара и раненого бойца.

— Оставайся на месте, — приказал я санитару, рябоватому парню лет двадцати. — Наложу жгут потуже.

— Сейчас сделаю, товарищ лейтенант, — кивнул санитар. — Только его все равно надо поскорее на сборный пункт доставить. Крови много потерял.

— Под таким огнем ты его и себя на тот свет доставишь. Подожди немного, пока мы снова атаку не продолжим.

Короткими перебежками до моего укрытия добрался связной и сообщил:

— Через десять минут атака.

— Кто роту поведет? — спросил я.

— Политрук. Велел передать, чтобы наступали без остановок. Если его подранят, роту возглавит командир первого взвода Чередник.

Я кивнул и, пригибаясь, добрался до расчета «максима», который пристроился среди камней.

— Когда поднимемся, постарайся заглушить их станковый МГ-08.

Командир расчета, сержант Захар Антюфеев, рыжеволосый, широкий в груди и плечах, возился с прицелом.

— Сделаю, что смогу. Но у лопарей пулемет на салазках, они позицию все время меняют.

Коротко взывнула пуля. Мы отчетливо услышали удар о человеческое тело. И тут же вскрикнул, заголосил санитар:

— Убили... мамоньки, убили меня.

Он ворочался, держась за бедро, а снег вокруг него набухал красным.

— Снайпер, — ахнул кто-то.

Я послал бойца помочь санитару, а в центре залегшей ротной цепи неуклюже поднялся в полный рост старший политрук Пуняев. Размахивая над головой наганом, закричал срывающимся голосом:

— В атаку! За родину!

Но рота продолжала лежать неподвижно. Топтался лишь политрук. Дважды выстрелив вверх, снова крикнул:

— В атаку!

Со стороны финских позиций хлопнули несколько винтовочных выстрелов. Раненный в живот Пуняев упал на колени, но упрямо поднялся. Командовать он уже не мог, но своим примером пытался воодушевить людей. В морозном воздухе сухо треснул одинокий выстрел. Пуля угодила политруку в лицо, он был убит наповал.

Цепь зашевелилась, некоторые бойцы открыли огонь из винтовок, но вставать никто не рискнул. Тем более снова заработали оба финских пулемета, ввинчивая над головами тягучий свист пуль.

Это был мой первый бой. Я запомнил его до мелочей. И неожиданную храбрость нашего политрука Пуняева, бывшего секретаря колхозного парткома, который ничем не выделялся. И залегшую роту, которая еще вчера бодро распевала: «Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильней», а сейчас боялась поднять головы.

Я зашевелился. Мелькнула мысль, что надо встать и вести за собой роту. Я даже передернул затвор пистолета ТТ и поймал напряженный взгляд своего заместителя, старшего сержанта Михаила Ходырева, решительного и далеко не трусливого парня.

Михаил тоже не торопился вставать навстречу пулеметным очередям и метким выстрелам охотников-лопарей. Возможно, он ожидал, что нам, как было обещано, поможет артиллерия. Но легкие пол-

ковые «трехдюймовки», выпустив перед атакой полсотни снарядов, переключились на другие цели.

В этот момент раздался голос командира первого взвода Григория Чередника. Он командовал негромко, но отчетливо:

— Рота, слушай команду! Приготовить гранаты, вставить запалы.

Люди зашевелились, доставая гранаты из подсумков. Следом прозвучала очередная команда, более громкая:

— Рота, встать!

Бойцам уже не оставляли времени для раздумий и страха. Это была команда, которой учили красноармейцев до автоматизма, и она сработала. Люди торопливо поднимались, держа наперевес винтовки с примкнутыми штыками. Некоторые тяжело дыша, как после быстрого бега, — сказывалось напряжение последних минут перед броском под пули.

— В атаку! — звенящим командным голосом крикнул лейтенант Чередник.

Сейчас залечь никто бы не посмел. Вступал в действие жесткий армейский Устав, за нарушение которого людей отдавали под трибунал. Усилил огонь финский МГ-08, направляя трассы в сторону моего взвода. Навстречу ему частыми вспышками заработал «максим» сержанта Антюфеева.

Стреляли на ходу еще двое-трое сержантов, держа на весу ручные пулеметы Дегтярева. Во время атаки полагалось вести огонь всем, но люди были слишком напряжены, занятые одной мыслью: быстрее преодолеть это каменистое заснеженное поле.

Никто не пытался даже на минуту спрятаться за разлапистые ели или валуны. Вперед! «Ура!» не кричали, но когда снова стали падать убитые и раненые, по цепи прокатились невнятные выкрики многих голосов, которые превращались в рев.

В длиннополых шинелях, островерхих буденовках, со штыками, узкие лезвия которых сверкали под холодным зимним солнцем, эта ревущая цепь, ускоряющая свой бег, не могла не внушать страх, хотя перед нами был смелый противник. Финны будут до последнего драться за свою каменистую землю, леса и замерзшие озера.

Мы несли потери. В нескольких шагах от меня выронил винтовку боец моего взвода. Пуля, прошедшая навылет, вырвала клоч шинели на спине, разбрызгивая мелкие капли крови. Красноармеец шатнулся и осел на подвернувшихся ногах в снег.

Упали еще несколько человек. Один из МГ-08 замолк. Но продолжал почти без остановок молотить второй станковый пулемет. Его поддерживали несколько ручных пулеметов и не меньше десятка автоматов «суоми».

Возможно, финны заставили бы нас снова залечь. Но над головой с характерным воющим звуком пронеслись несколько шестикилограммовых снарядов наших полковых пушек. Кто-то из бойцов шарахнулся в сторону от близкого воя, но основная масса красноармейцев ускорила бег.

Два запоздалых артиллерийских залпа сыграли свою роль. Осколочные и фугасные снаряды свалили несколько елей, подняли фонтаны древесных обломков, камней и снега. Снаряды упали довольно

точно, заставив финнов на какое-то время прекратить огонь и нырнуть на дно траншеи и в укрытия.

Когда они поняли, что русская артиллерия замолчала, первый, а следом и второй взвод уже приближались к их позициям.

Гриша Чередник, один из лучших курсантов нашего выпуска, командовал умело и четко:

— Огонь гранатами!

Бойцы встряхивали заряженные РГД-33, и увесистые шестисотграммовые гранаты, кувыркаясь, летели в траншею. Мой третий взвод немного отстал: преодолевали покрытую льдом низину и склон, усеянный камнями. Когда до траншеи осталось метров семьдесят, я увидел первого финна.

Настойчивая пропаганда убедила нас, что мы сражаемся с наймитами империализма, фашистами-шутцманами из нацистского корпуса «Шуцкор», обманутыми солдатами из бедноты, и несем свободу финскому народу.

Обросший рыжей бородой финский солдат, ловко вскарабкавшийся на бруствер, не напоминал наймита или фашиста. Одетый в перепоясанный полушубок без знаков различия и овчинную шапку с кожаным верхом, он отчаянно матерился, вскидывая автомат «суоми» с дырчатым кожухом и круглым диском, очень похожий на наш автомат ППД-34.

— Курва русская... Молетов, Сталин нашу землю хотят!

Дальнейшее я не услышал. Бородач, прижимая автомат к плечу, водил стволом, опустошая емкий магазин на 71 патрон. Сноп огня, веер блестящих